

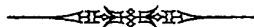
Проф. В. И. РѢЗАНОВЪ.

ИЗЪ РАЗЫСКАНІЙ

О СОЧИНЕНІЯХЪ

В. А. ЖУКОВСКАГО.

Выпускъ II.

ПЕТРОГРАДЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1916.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Напечатано:

Должно быть:

- Стр. 106, 10 строка св.:* „На смерть незабвеннаго человѣка“
„Памяти незабвеннаго человѣка“
- Ibid., примѣч. 4: Веселовскій, Жуковскій, 94*
Бумаги Жуковского, № 15, листъ 15.
- Стр. 110, строка 7 св.:* и въ апрѣлѣ отправляется...
и въ маѣ отправляется...
- Ibid., примѣч. 4: А. Д. Алферовъ, Жуковскій, стр. 30.*
Русс. Арх. 1883 г. I, стр. 209.

Стр. 113, строка 7: ... найдетъ въ ней счастье, неизвѣстное гордымъ и славнымъ.

Послѣ этихъ словъ прибавить:

Начало предисловія къ „Вадиму Новгородскому“ („Безмолвныя дубравы, тихія долины... къ вамъ стремлюсь душою... сокройте меня“... и проч.) написано Жуковскимъ, видимо, подъ вліяніемъ поэмы Эвальда Клейста „Der Frühling“, которая начинается такимъ образомъ:

Empfangt mich heilige Schatten, ihr Wohnungen süßer Entzückung,
Ihr hohen Gewölbe voll Laub und dunkler, schlafender Lüste,
Die ihr oft einsamen Dichtern der Zukunft Vorhang zerrissen,
Oft ihnen des heitern Olymps azurne Thore geöffnet,
Und Helden und Götter gezeigt! Empfangt mich, füllet die Seele
Mit holder Wehmuth und Ruh'!—O dass mein Lebens bach endlich
Von Klippen, da er entsprang, in euern Gründen verflösse!—
Führt mich durch Gänge voll Nacht zum glänzenden Throne der Tugend,
Der um sich die Schatten erhellt!.. etc.
Ihr, deren zweifelhaft Leben, gleich trüben Tagen des Winters,
Ohn' Licht und Freude verfließt, die ihr in Höhlen des Elends
Die finstern Stunden verseufzt, betrachtet die Jugend des Jahres;
Werft jetzt die Augen umher...

Русскій переводъ-пересказъ этой поэмы: „Весна, поэма г. Клейста, или изображеніе пріятностей сего времени года съ выводимыми изъ оныхъ важными размышленіями“... Москва, 1792, имѣетъ такое начало:

„Священныя сѣни! густыя бесѣдки, возносящія до облаковъ сіи младыя отрасли, сіе жилище сладостныхъ восторговъ и кроткаго зефира! Примите меня: дозволейте мнѣ наслаждаться въ вѣкъ тѣмъ драгоценнымъ спокойствіемъ, тою нѣжною томностію, тѣми восхитительными чувствованіями, кои плѣняютъ мое сердце. О! почто не могутъ дни мои, на подобіе тихаго источника, протекать посреди предѣловъ вашихъ въ полезной свободѣ! Управьте вы стопы мои подъ пріосвѣщеніемъ своимъ ко свѣтозарному престолу добродѣтели изливающей тамъ сіяніе! Да лира моя вашими внушеніями исправленная возвѣщаетъ эху хвалу природы въ глазахъ моихъ возобновленная!.. О вы, гонимые участію, отъ коихъ веселости уже сокрылись! Вы, кои дни свои подобныя мглѣ густой влачите со стенаніемъ въ отдаленной какой либо пещерѣ! Придите плѣняться вешностію чистѣйшихъ дней!..“.

Стр. 116, строка 3 снизу:

„Въ сей тихой обители воздвигну памятникъ тебѣ незабвенному“...
Послѣ этихъ словъ дополнить:

Въ перепискѣ между Жуковскимъ, Мерзляковымъ и Ал. Ив. Тургеневымъ рѣчь шла о памятникѣ Андрею Тургеневу; Мерзляковъ 24-го августа 1803 г. по этому вопросу писалъ Жуковскому: „Памятникъ другу нашему прекрасная мысль. Начто намъ ставить его на могилу? Будемъ сами могилами живому, вѣчно живому духу нашего друга. *Памятникъ этотъ долженъ быть лучшимъ украшеніемъ нашего кабинета. Тебѣ поручаю я думать объ его фигурѣ. Опиши мнѣ все, скажи что онъ будетъ стоять, и изъ чего долженъ быть сдѣланъ. Надобно какъ можно простѣе; надобно, чтобы онъ былъ даже не мраченъ, чтобы онъ возбуждалъ однѣ только сладкія чувствованія; надобно, чтобы мы иногда съ нимъ также весело бесѣдовали, какъ и съ тѣмъ, кого онъ напоминать будетъ... Ты зовешь меня къ себѣ въ Бѣлевѣ. Хорошо, очень хорошо... возвращусь я въ твой маленькой домикъ укрыться отъ бурь и несчастій, возвращусь на досугѣ посмѣяться надъ своимъ дурачествомъ вмѣстѣ съ тобою и съ *памятникомъ друга нашего, который тогда будетъ уже въ твоёмъ кабинетѣ*“¹⁾. Такимъ образомъ, слова: „Въ сей тихой обители воздвигну*

¹⁾ Письма Мерзлякова къ Жуковскому, Русс. Арх. 1871 г. № 2, стр. 0140—0141.

я памятникъ тебѣ незабвенному“ не были простой фразой, а выражали серьезное намѣреніе нашего поэта соорудить нѣчто въ родѣ мавзолея или саркофага Андрею Тургеневу въ собственномъ кабинетѣ. Для этой именно, повидимому, цѣли имъ и была приобрѣтена та урна, о которой идетъ рѣчь въ письмѣ Жуковскаго къ Ал. Ив. Тургеневу изъ Бѣлева отъ 31-го августа 1805 г., — только теперь мысль изменена, и урна предназначается для надгробнаго памятника въ Петербургѣ: „Податель этого письма отдастъ тебѣ и урну. Она очень мала, но прекрасная и будетъ годиться, если поставитъ ее на столбъ, которой надобно сдѣлать гранитной, потому что такой крѣпче; присемь прилагаю и рисунокъ“... На рисунокѣ памятникъ былъ представленъ подъ сѣнью деревьевъ, и Жуковский приписалъ: „Вотъ рисунокъ: столбъ и камень гранитные; желалъ бы, чтобы каждое дерево имѣло свое собственное имя, т. е. имя тѣхъ людей, которые больше были къ нему (Андрею Ив. Тургеневу) привязаны. Разумѣется, что первыя два должны быть посвящены батюшкѣ (Ив. Петр. Тургеневу) и Ив. В. (Ивану Влад. Лопухину)“¹⁾.

Къ стр. 151—154 дополнить:

Нѣсколько замѣчаній о рѣчахъ А. С. Кайсарова сдѣлано въ ст. г. Ал. Фомина: „Андрей Сергѣевичъ Кайсаровъ, 1782—1813. Новые матеріалы для біографіи и для характеристики его литературной дѣятельности изъ архива П. Н. Тургенева“ (Русс. Библиофилъ, 1912 г. № 4, стр. 9—14). Акад. В. М. Истринъ напечаталъ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1916 г., іюль, очеркъ: „А. С. Кайсаровъ профессоръ русской словесности“.

Къ стр. 188:

Послѣ 13) Защищенное счастье... дополнить: 14) *Державинъ*, На счастье, ода (1789 г.).

Къ стр. 316 (начало главы XXXVI):

Принявъ предположеніе И. А. Бычкова (Дневники Жуковскаго, стр. 29), я высказалъ, что Жуковский намѣчалъ переводить книжку „Leçons d'une gouvernante“. Послѣдующія разысканія убѣдили меня, что подъ переводомъ Leçons, о которомъ говоритъ Жуковский въ своемъ дневникѣ (Дневн. Жуков., съ примѣч. И. А. Бычкова, стр. 29),

¹⁾ Письма Жуковскаго къ Ал. Ив. Тургеневу, изд. Русс. Арх., стр. 5, 8.

должно разумѣть его переводы изъ *Leçons de littérature et de morale*, о которыхъ я говорю въ главѣ XLVI настоящихъ „Разысканій“.

Къ стр. 342 (вставить передъ словами: „Таковы литературныя явленія“...):

Въ томъ же 1819 году вышла книжка: „Сатиры, посланія и другія мѣлкія стихотворенія Михайла Милонова“. Здѣсь, на стр. 192—194, имѣемъ стихотвореніе: *Блаженство, подражаніе Парни*. Начало:

Увы, съ какою быстрою
Соеерился сей щастливый мигъ,
Какъ съ страстною моею душою
Я, Нина, пламенѣлъ въ объятіяхъ твоихъ!
Какъ сердце у тебя въ восторгахъ замирало,
И розою лице стыдливости пылало!.. и проч.

Стихотвореніе это—свободный пересказъ стих. Парни „*Délire*“:

Il est passé ce moment des plaisirs
Dont la vitesse a trompé mes désirs;
Il est passé; ma jeune et tendre amie,
Ta jouissance a doublé mon bonheur.
Ouvre tes yeux noyés dans la langueur,
Et qu'un baiser te rappelle à la vie.
Celui-là seul sentira son ivresse,
Qui peut enfin avec sécurité
Sur le duvet posséder sa maîtresse.
Le souvenir des obstacles passés
Donne au présent une douceur nouvelle;
A ses regards son amante est plus belle;
Tous les attraits sont vus et caressés.
Avec lenteur sa main voluptueuse
D'un sein de neige entr'ouvre la prison,
Et de la rose il baise le bouton
Qui se durcit sous sa bouche amoureuse... etc.

(*Parny*, Poésies érotiques, livre III, № 13).

Къ стр. 425 (передъ итогами):

На своего „Барда“ Жуковский смотрѣлъ какъ на „новый даръ отечеству“¹⁾. Оттого онъ старался сдѣлать свои стихи „извѣстными“²⁾, а появленіе ихъ окружить атмосферой художественности, искусства. Поручая Александру Ив. Тургеневу сдѣлать первое изданіе „Барда“,

¹⁾ Письма Жуковского А. И. Тургеневу, стр. 24.

²⁾ Тамъ же.

поэтъ просилъ своего друга постараться украсить это изданіе виньеткой-иллюстраціей къ тексту: „Сдѣлай дружбу, братъ Тургеневъ,— писалъ онъ,—вели напечатать Барда особенно, если можно *съ виньетомъ, на которомъ бы представить ту минуту, въ которую Бардъ взбѣжалъ на холмъ и видитъ летящія тѣни*“ ¹⁾). Изготовить виньетки, однако, не удалось, и изданіе „Барда“ 1807 г. вышло безъ украшеній.

Тогдашній московскій композиторъ Д. Н. Кашинъ немедленно положилъ „Барда“ на музыку, и Жуковскій мечталъ объ исполненіи кантаты на сценѣ и въ Петербургѣ и въ Москвѣ: „(пѣса) должна быть представлена мелодраммою на театрѣ,—писалъ онъ Тургеневу,—и думаю, что произведетъ великое дѣйствіе, и конечно больше, нежели при чтеніи“ ²⁾). Думая превратить „Барда“ въ кантату, нашъ поэтъ хотѣлъ прибавить патріотическій хоръ:

Россѣ! И щить и мечъ во длань!
Врагъ за гибелью притекъ!
Смерть ему отъ Росса дань!
Жертвой рокъ его нарекъ!
Прочъ покоемъ наслажденье!
Тамъ отчизна! Тамъ нашъ царь!
Братя, руки на олтарь!
Клятва: смерть или спасенье!
Мы ль на жертву предадимъ
Васъ, славянъ отцы священны?
Мы ль врага не потребимъ
Отъ отчизны ополченны?
Россѣ! И щить и мечъ во длань, и пр. ³⁾).

Но и эта затѣя Жуковского не получила осуществленія. „Кашинъ сдѣлалъ музыку, но теперь она ни на что не годится“,—писалъ онъ Тургеневу 17-го января 1807 года ⁴⁾).

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же, стр. 29 (письмо отъ 24-го декабря 1806 г.).

⁴⁾ Тамъ же, стр. 31.